

Киселева М. С. Образы еды и напитков как часть мифопоэтического образа города во владивостокском тексте (на примере киноповести И. Лагутенко, В. Авченко «Владивосток-3000») / М. С. Киселева, О. Н. Мальцева // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 151—163. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-151-163.

Kiseleva, M. S., Maltseva, O. N. (2018). Images of Food and Drinks as Part of Mythopoetic Image of City in Vladivostok Text (by Example of Novel by I. Lagutenko, V. Avchenko "Vladivostok-3000"). *Nauchnyy dialog*, 7: 151-163. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-151-163. (In Russ.).

УДК 82-31(571.63-25):392.81/.86

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-151-163

Образы еды и напитков как часть мифопоэтического образа города во владивостокском тексте (на примере киноповести И. Лагутенко, В. Авченко «Владивосток-3000»)

© Киселева Мария Сергеевна (2018), orcid.org/0000-0003-2846-570X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), liasic@list.ru.

© Мальцева Ольга Николаевна (2018), orcid.org/0000-0002-5395-8445, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), olgapin_2004@mail.ru.

Статья посвящена анализу образов еды и напитков, используемых авторами художественного текста при создании мифопоэтического образа Владивостока. Исследуется киноповесть «Владивосток-3000». Она рассматривается как одно из произведений о городе Владивостоке, для обозначения которых используется термин *владивостокский текст*, связанный в свою очередь с принятым в научной литературе термином *локальный текст*. Исходным является тезис о том, что одной из характеристик локальных (региональных, провинциальных) текстов является выполнение ими мифопорождающей функции — создание мифологического пространства, в котором отражаются особенности региона. Новизна исследования заключается в том, что ранее образы еды и напитков не рассматривались как элемент владивостокского текста, участвующий в формировании мифопоэтического образа города. На материале киноповести «Владивосток-3000» были выделены все языковые единицы, обо-

значающие еду и напитки. Определена роль соответствующих образов в тексте: продукты, блюда и напитки являются маркером своего и чужого; выступают средством трансформации героя; придают ему сил; символически скрепляют отношения между персонажами; являются частью этикета; становятся ярким маркером фантастического пространства, создаваемого авторами. Делается вывод о том, что образы еды и напитков играют важную роль в художественной передаче специфики города (реального Владивостока и вымышленного Владивостока-3000), являясь необходимым элементом владивостокского текста.

Ключевые слова: владивостокский текст; мифопоэтический образ; локальный текст; образы еды и напитков; В. Авченко; И. Лагутенко; Владивосток-3000.

1. Место владивостокского текста среди других городских текстов

Изучение городских текстов является одним из актуальных направлений современной филологии. Идея существования городского текста осмысливается представителями тартуско-московской семиотической школы — Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым — в трудах, посвящённых «петербургскому тексту» [Лотман, 1984; Топоров, 1995]. Благодаря работам М. П. Одесского, И. С. Веселовой, Г. С. Кнабе, Н. В. Корниенко и др. в научный оборот вошло понятие «московский текст» [Москва ..., 1998]. В целом такие тексты получили название *локальных*. М. Л. Лурье даёт следующее определение этого термина: «... *локальный текст* понимается как система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом» [Лурье].

Региональные (провинциальные) тексты также привлекли внимание ученых. В последние годы активно разрабатывается «кавказский текст», «поморский текст», «вятский текст», «пермский текст», «воронежский текст», «тверской текст» и др. В работах Н. С. Милянчук описывается «дальневосточный текст» [Милянчук, 2014]. По мнению В. В. Абашева, существование подобных текстов объясняется следующим: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [Абашев, 2008, с. 24].

Город Владивосток описан в большом количестве стихотворных и прозаических произведений писателей и поэтов XIX—XXI веков. Для того чтобы охватить весь массив художественных произведений о нем,

мы предлагаем использовать термин *владивостокский текст* [Мальцева, 2014].

В исследованиях локальных текстов анализируются географические, культурно-исторические особенности того или иного города. В то же время в работах практически не уделяется внимание роли упоминаний продуктов, блюд, напитков, специфичных для данного места, в создании образа города. Однако, по нашему мнению, это важный компонент, который помогает подчеркнуть уникальность того или иного места, закрепить в сознании носителей его образные характеристики. Поэтому целью нашей работы стало выявление функций образов еды и напитков во владивостокском тексте. В данной работе мы обратились к киноповести «Владивосток-3000» [Лагутенко и др., 2012], так как в этом произведении (по замыслу авторов) представлена квинтэссенция образа города.

2. Образ Владивостока и мифы

Одним из условий выделения городского текста Н. Е. Меднис называет наличие смысло- и мифопорождающих контекстов: «Города всегда обладали некой ослабевающей или усиливающейся со временем метафизической аурой <...> Именно наличие метафизического обеспечивает возможность перевода материальной данности в сферу семиотическую, в сферу символического означивания, и, следовательно, формирования особого языка описания, без чего немислимо рождение текста» [Меднис, 2004]. Ж. А. Баянбаева выделяет три функции локального текста, одной из которых является мифогенетическая: «Ядро локального текста всегда окружено мифологическим пространством, причем группировка мифов осуществляется в этом случае по универсальным законам» [Баянбаева, 2016, с. 80]. По нашему мнению, локальные тексты, аккумулируя в себе разрозненные мифы (городские легенды), создают концентрированный образ места, который в дальнейшем (при транслировании его в СМИ и художественных текстах) закрепляется в сознании носителей языка, переходит на уровень концепта.

Образ Владивостока в сознании его жителей овеян многочисленными мифами и легендами, в основу которых легли и историко-культурные, и пространственные факторы [Киселева, 2014]. Во-первых, географическое положение: оторванность от центра России — свыше 9000 км до Москвы — и близость к Китаю, Японии и Корее. Во-вторых, история становления города: это портовый город, выросший на землях, которые помнят ещё великие империи прошлого, соединивший в себе культуры Запада и Востока, долгое время остававшийся закрытым и в то же время вольный, переживший революцию, гражданскую войну, попытки интервенции,

Великую Отечественную войну и лихие девяностые. Это фронтирный город, куда стекаются переселенцы со всей России, люди беспокойные, ищущие лучшей доли и не желающие сидеть на месте. В-третьих, уникальные природные характеристики: море, омывающее город с трех сторон; расположение на одной широте с курортным Сочи, но на одной долготе с Колымой; буйство южной зелени и северные хвойные леса, разнообразные дикоросы, очень теплая осень и холодная ветреная зима, затяжная весна и дождливое лето с жестокими — и всегда такими неожиданными — южными тайфунами и циклонами.

Неудивительно, что в фольклоре, связанном с Владивостоком, широко распространены как мотивы, являющиеся универсальными для многих городов (подземные клады и постройки, тайные туннели и ходы, зловещие призраки тех или иных районов / домов), так и оригинальные, собственно владивостокские (мотив отделения от остальной России и образования самостоятельного государства (Дальневосточной Республики), присоединение земель к Китаю в результате увеличения населения последнего, рассказы о прогулках тигров по городу и др.). Частью городского фольклора становятся и образы деятелей культуры Владивостока (писателей, поэтов, актёров и музыкантов), а также их произведения, памятники, знаковые места и проч. [Авченко, 2013].

Отсылками к мифам города и мифам о городе наполнена вся киноповесть [Лагутенко и др., 2012]. Причем авторы довели их до совершенства и представили утопию — идеальный Владивосток, образ, альтернативный реальному, а именно Тихоокеанскую республику, Владивосток-3000, расположенный в параллельной реальности и живущий по своим законам. С настоящим городом Владивосток-3000 роднят только география (то же положение, те же улицы и районы, но климат у Тихоокеанской республики мягче благодаря распространившейся в море ламинарии, закрывшей доступ холодным течениям, и возведенному рукотворному хребту — Великой Приморской стене), история (вплоть до распада СССР) и еда. Упоминание о ней часто встречается на страницах повести. При этом описываются именно те продукты, блюда и напитки, которые, по мнению жителей реального Владивостока, относятся к специфическим, региональным, которые являются «визитной карточкой» города: морепродукты (гребешок, трепанг, крабы, кукумария, разные виды морской капусты); пянсе (паровой пирожок по-корейски с капустой и мясом); конфеты «Птичье молоко» (изготовленные с добавлением агар-агара), рецептура которых была придумана сотрудницей Владивостокской кондитерской фабрики; японские и корейские напитки (в том числе газированный напиток «Милкис»). Некоторые блюда

и напитки, употребляемые местными жителями, по мнению представителей других регионов, несъедобны или не могут сочетаться (например, живой гребешок; свежельвовленный трепанг, очищенный и приправленный только соевым соусом и чесноком; «Милкис», которым следует запивать пянсе). Тем самым авторы подчеркивают особое значение образов еды и напитков в художественном восприятии Владивостока — города на берегу Тихого океана. Для конкретизации этих функций в анализируемом тексте необходимо обратиться к научным исследованиям, посвященным теме еды в литературных произведениях.

3. Основные функции образов еды и напитков в художественных текстах

Пища занимает важное место в жизни и картине мира современного человека. Он регулярно ест, участвует в праздничных застольях, угощает и угощается. В традиционной культуре еда, прием пищи обладали символическими значениями, являлись способом установить контакт между людьми, а также миром людей и миром потусторонним, помогали сохранять устойчивость миропорядка, обеспечивали благополучие и богатство, являлись маркером социальной и возрастной принадлежности [Еда ..., 1999].

Изучение функций образов еды и напитков, принципов их изображения в художественных произведениях — актуальное и перспективное направление как в литературоведении, так и в фольклористике. Об этом ярко свидетельствуют уже опубликованные труды. Среди них можно назвать книги и статьи В. В. Похлёбкина о видах блюд и их роли в произведениях русских писателей [Похлёбкин, 2009] и русской культуре, работы по традиционной культуре А. К. Байбурина [Байбурин, 1993], Л. Н. Виноградовой [Виноградова, 1982], Т. А. Агапкиной [Агапкина, 2002], сборник эссе О. Назаровой [Назарова, 2009] и мн. др.

Обращаться к заявленной теме продуктивно еще и потому, что ее отдельные составляющие уже были рассмотрены. Так, например, в работах Т. В. Краюшкиной [Краюшкина, 2011] описываются основные функции, которые выполняет пища в волшебных сказках. Это позволяет соотнести собственные наблюдения с уже сделанными выводами и осуществить более глубокий комплексный анализ имеющегося материала. Всего в сказочном повествовании у еды / напитков / приемов пищи можно выделить 7 основных функций:

- 1) трансформация героя;
- 2) маркер силы;
- 3) маркер уровня жизни;

- 4) поддержание силы;
- 5) маркер времени;
- 6) закрепление взаимоотношений между персонажами;
- 7) отражение правил народного этикета.

Эту классификацию можно применить и к анализируемому нами произведению, так как у волшебной сказки и данной киноповести есть общие элементы. Важной чертой волшебной сказки является переход героя из одного мира в другой, часто с помощью еды. В киноповести главный герой — Влад / Пришелец — попадает из реального Владивостока во Владивосток-3000, параллельный фантастический мир. Кроме того, другой персонаж — разведчик из Москвы Максимов — перемещается из западной России в азиатскую Тихоокеанскую республику не только физически, но и духовно: он понимает, что не может предать и покинуть Владивосток-3000. И важную роль в этом «перемещении» играет как раз специфическая еда — гребешок.

4. Функции образов еды и напитков в киноповести «Владивосток-3000»

В качестве еды в тексте упоминаются:

— морепродукты: гребешок, крабы, мидии, трубач, трепанг, анадары, медведки (особый вид креветок), минтай, камбала, морская капуста разных видов, рыба фугу, икра морских ежей, которую «принято есть сырой прямо из хрупких известковых скорлупок ежиного глобусообразного скелета; или же использовать традиционный японский рецепт “уни”, когда икру макают в выпаренную морскую соль и кисло-острый соус и едят, заворачивая в “нори” — лист морской капусты» [Лагутенко и др., 2012, с. 57].

— блюда: уха из пиленгаса («местной летающей рыбы, западные родственники которой известны как кефаль» [Там же, с. 56]); борщ с морской капустой; японский (особого качества) рис; солянка с морепродуктами; популярное местное блюдо — «кочан капусты, совсем как настоящий, но выполненный из сложенных особым образом листьев высушенной морской капусты “Сибуки”. Вместо кочерыжки воткнут столбик, который полагается нарезать, получая тем самым роллы “Рейнеке”» [Там же, с. 57]; хлебцы-«коврижки» (по форме напоминают одноимённый остров в Амурском заливе);

— другие продукты, которые часто употребляют местные жители: «Птичье молоко» (конфеты на агар-агаре, добываемом из водорослей), корейская лапша «Доширак», шоколадное печенье «Чокопай».

А среди напитков названы растворимый кофе «Максим» (настоящий японский), зелёный китайский чай, японский виски «Сантори», китайское

циндаосское пиво (из г. Циндао, пров. Шаньдун, КНР), вода пресная (местная, полезная), вода морская, морское молоко (молоко морских коров), местное светлое пиво.

Перечисленный набор блюд, продуктов и напитков (кроме рыбы фугу, появившейся в меню Тихоокеанской республики из-за изменения климата, морского молока и, пожалуй, борща с морской капустой) является визитной карточкой и настоящего Владивостока: он демонстрирует переплетение разных культур и традиций. Авторы усиливают символическое значение каждого блюда и напитка.

По нашему мнению, в произведении И. Лагутенко, В. Авченко можно наблюдать реализацию следующих функций: еда и питье являются маркером своего и чужого; выступают средством трансформации героя; придают ему сил; символически скрепляют отношения между персонажами; являются частью этикета; становятся ярким маркером фантастического пространства, создаваемого авторами.

Все продукты, изображаемые в повести, тесно связаны с морем: это либо то, что добывается в нем, либо то, что изготовлено на основе добытого. В произведении подчеркивается оторванность Владивостока-3000 от земли: море становится символом благополучия, в море раздают надель, море дает витамины и лекарства. Можно сказать, что море — символ жизни, вся еда Тихоокеанской республики пропитана морем, дарящим здоровье и красоту (вспомним, в этом городе нет некрасивых женщин, проживают храбрые и мужественные офицеры). С морем можно сравнить и организацию самой республики: имеются четкие рамки, свод законов, но регуляция происходит словно сама собой, как в живом организме. В Тихоокеанской республике живут те, кто к ней «приобщен», тесно связан с ней, только такие люди там остаются, другие приходят лишь на время, чтобы снова уйти.

Связь с республикой, приобщенность к ней показаны через тайну гребешка, выступающего символом души города, подчеркнута материальной (интересна параллель с японским кровавым обычаем самых жестоких самураев съедать трепещущую печень только что зарубленного врага, чтобы получить его храбрость). На допросе Каплей в первую очередь спрашивает Влада, ел ли тот гребешок. Скрытый смысл этого вопроса: ел, значит, наш, владивостокский.

На примере двух героев, попавших во Владивосток-3000, демонстрируется, как происходит «приобщение» к городу / республике. Авторы пытаются раскрыть секрет морской души Владивостока, выявить истоки любви / нелюбви к нему горожан, стремления уехать прочь или желания

остаться. Вся противоречивость мыслей и переживаний характерна и для Влада (кровная связь с городом обозначена изначально, даже через имя), и для шпиона Москвы Максимова, посланного, чтобы, выявив слабые места, вернуть Тихоокеанскую республику в состав России.

С одной стороны, Влад — местный, он просто вернулся в свой настоящий город (ел гребешок, вся еда ему не в новинку, даже квартира его при перемещении во Владивосток-3000 сохраняется), но не чувствует, что может остаться в республике, которая ему так нравится. С образом этого героя связан мотив поиска любви (девушка Наташа, оставшаяся в том, другом Владивостоке), без которой жизнь невозможна. И герой растворяется в море, продолжает свои поиски. Возможно, неполное принятие города также показано через эпизод поедания трепанга: Влад морщится. Однако в тексте говорится о том, что его друзья, морские офицеры, постоянно напоминают ему о его истинном «гражданстве»: «Ты сам-то понимаешь, почему попал сюда? <...> А ты подумай ещё раз. Смелее. Причащался гребешком? Понимал, что это не просто пицца? О, даже наш “чокопай” — больше, чем просто пицца! <...> Ты наш, Влад, и поэтому я предлагаю тебе снова: оставайся. Твое место — здесь» [Лагутенко и др., 2012, с. 108].

Функция трансформации героя наглядно видна на примере разведчика Максимова. В начале повести, когда ему предлагают попробовать блюда из трепанга, он не может съесть его и только после настойчивой просьбы хозяев с гримасой проглатывает. Он вражеский агент и не должен принимать город, в котором выполняет секретное задание, но приятие происходит постепенно. То, что город проникает в героя, начинает ему нравиться, авторы опять же показывают через еду: Максимов часто ест конфеты «Птичье молоко», в которые входит экстракт водорослей. Конфеты присутствуют постоянно, а завершается принятие города свежим трепещущим гребешком, полным солёной морской воды, который съедает разведчик. Ощувив вкус гребешка, пройдя через это причастие, Максимов становится для города своим, защищает его от своих коллег-разведчиков, возвращается, пройдя через морскую бурю, в республику. И его принимают.

Цикл завершен: один герой, чувствуя свое родство с Владивостоком-3000, покидает его, продолжая поиски, другой, изначально чуждый, общается и становится своим. Еда же в цикле выступает маркером, обозначающим своих и чужих, придает героям сил (наделяет здоровьем), является материализованной душой города (такой душой, о которой рассказать невозможно, ее нужно только понять, почувствовать).

Фантастическое пространство повести маркируется через несуществующую в действительности, но особую морскую еду: морское молоко, борщ

с морской капустной — и через важные праздники Тихоокеанской республики, которые посвящены морепродуктам: День Краба, День Корюшки, Праздник Первой Камбалы.

В произведении упоминаются пресная и соленая (морская) вода. Они также являются маркерами своего и чужого, начинают (пресная) и завершают (соленая) испытания и путь героя. Сама по себе чистая пресная вода появляется один раз (когда «выводят на чистую воду» разведчика Максимова — берут его отпечатки), а обычно герои пьют чай и кофе во время сильных переживаний и волнений. Дружба (расцветшая и зарождающаяся), встречи и прощания также отмечаются разнообразными алкогольными напитками, чаще всего азиатского происхождения (японский виски «Сантори», китайское циндаосское пиво). Кажется, что напитков в произведении не так много и что они не несут такой смысловой нагрузки, как еда. Но если присмотреться внимательно, можно обнаружить, что одним из центральных в произведении является мотив воды, которая присутствует везде: от недопитой чашки кофе до тайфуна (пресной воды), останавливающего героя при попытке уехать из Владивостока-3000, и от нескольких капель солёной воды до моря, помогающего найти свой путь.

5. Заключение

Образы еды и напитков в киноповести И. Лагутенко и В. Авченко играют важную роль. Опираясь на известные, прежде всего жителям Владивостока, мотивы и образы, авторы создают мифический город Владивосток-3000, идеальный аналог настоящего Владивостока. В представленных в тексте продуктах, блюдах, напитках подчеркиваются связь города с морем, его особое расположение (в Азии, на перекрёстке морских путей), некая избранность его жителей (понимают тайну гребешка, любят и ценят морепродукты).

То, что это именно идеальный город, существующий в параллельной реальности, подтверждают традиционные символы, пришедшие из фольклора и характерные для описания рая на земле: водная граница (тайфуны и море, надежно охраняющие и охраняемые), богатство (марикультура, её удачное разведение и продажи по всему миру), особое знание (университет занимает видное положение в мире, прекрасно развита наука), здоровье и долголетие местных жителей (подчеркивается, что люди республики заботятся о своем здоровье, да и пища, которую они употребляют, живая, дарит силы), нечеткие очертания территории, мотив движения (в республике никому не запрещено находиться, но долго быть там могут только те,

кто связан с республикой, приобщен к ней, а остальные чувствуют непреодолимое желание уехать).

О недостижимости Владивостока-3000 свидетельствует и сам выбранный жанр — киноповесть: можно смотреть, наблюдать, но нельзя прикоснуться. Между реальным Владивостоком и представлениями его жителей о нем (Владивостоком-3000) существует граница, и приобщиться к городу-мечте, городу-призраку, почувствовать его, по мнению авторов, можно только через посещение соответствующих географических точек и пищу. Так, последняя (и блюда, и напитки) становится символом моря, жизни и движения, открытости новому, нахождения своего места в мире и испытания, является важным штрихом к портрету города (и реального, и фантастического) и его жителей, маркирует сложную привязанность их к Владивостоку.

Таким образом, в данном произведении образы еды и напитков являются важным компонентом, создающим особый, владивостокский текст.

Источники

1. *Еда* // Славянские древности : этнолингвистический словарь. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 176—178.
2. *Лагутенко И.* Владивосток-3000 : киноповесть о Тихоокеанской республике / И. Лагутенко, В. Авченко. — Москва : Астрель ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2012. — 192 с.

Литература

1. *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. / В. В. Абашев. — Пермь : Звезда, 2008. — 399 с.
2. *Авченко В.* 7 мифов о Владивостоке [Электронный ресурс] / В. Авченко. — 2013. — Режим доступа : <http://2013.vladivostok3000.ru/city/5375-vasilij-avchenko-7-mifov-o-vladivostoke>.
3. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря : весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. — Москва : Индрик, 2002. — 816 с.
4. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 240 с.
5. *Баянбаева Ж. А.* Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) / Ж. А. Баянбаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика. — 2016. — № 2. — С. 77—84.
6. *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян : генезис и типология колядования / Л. Н. Виноградова. — Москва : Наука, 1982. — 256 с.

7. *Киселева М. С.* К проблеме взаимодействия европейской и азиатской картин мира (образ Владивостока в современном фольклоре) / М. С. Киселева // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы : сборник научных трудов по материалам Первой совместной международной филологической конференции Тамканского университета и Дальневосточного федерального университета, 4—7 декабря 2014 г. — Тайвань : ТКУ, 2015. — С. 33—42.

8. *Краюшкина Т. В.* Органические ощущения, физиологические потребности персонажей и примыкающие мотивы / Т. В. Краюшкина // Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок : монография. — Владивосток : Дальнаука, 2011. — С. 9—49.

9. *Лурье М. Л.* Элементы локального текста : методика контекстного анализа [Электронный ресурс] / М. Л. Лурье. — Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm.

10. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры : Петербург. — Тарту : Тартуский университет, 1984. — С. 30—45.

11. *Мальцева О. Н.* Концепт *Владивосток* в художественном дискурсе : «владивостокский текст» / О. Н. Мальцева // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. — 2014. — № 4. — С. 104—107.

12. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис. — Новосибирск : НГПУ, 2003. — Режим доступа : http://thelib.ru/books/n_e_mednis/poetika_i_semiotika_russkoy_literatury-read.html.

13. *Милянчук Н. С.* К вопросу о «географической» типологии текстов : существует ли «дальневосточный» текст? / Н. С. Милянчук // На перекрестках филологических дорог : сборник статей к юбилею доктора филологических наук профессора Елены Александровны Первушиной / [отв. ред. Т. И. Петрова]. — Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2014. — С. 177—185.

14. *Москва и «московский текст» русской культуры* / ред. Г. С. Кнабе. — Москва : РГГУ, 1998. — 224 с.

15. *Назарова О.* Путешествие на край тарелки / О. Назарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 160 с.

16. *Похлебкин В. В.* Из истории русской кулинарной культуры / В. В. Похлебкин. — Москва : Центрполиграф, 2009. — 451 с.

17. *Топоров В. Н.* Миф, ритуал, символ, образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс ; Культура, 1995. — 623 с.

Images of Food and Drinks as Part of Mythopoetic Image of City in Vladivostok Text (by Example of Novel by I. Lagutenko, V. Avchenko “Vladivostok-3000”)

© Kiseleva Mariia Sergeevna (2018), orcid.org/0000-0003-2846-570X, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), liasic@list.ru.

© Maltseva Olga Nikolayevna (2018), orcid.org/0000-0002-5395-8445, senior lecturer, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), olgapin_2004@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of “food and drinks” symbols used by the authors of urban literary texts in reconstruction of the mythopoetic image of Vladivostok. The novel “Vladivostok-3000” is investigated. The authors consider it as one of the works about Vladivostok, for which the concept of “Vladivostok text” is used, based in turn on the concept of “local text” accepted in the scientific literature. The basic thesis is that one of the characteristics of local (regional, provincial) texts is their myth-generating function — the creation of mythological space, which reflects the features of the region. The novelty of the research is that the images of food and drinks has not been considered before as an element of the Vladivostok text, involved in the formation of the mythopoetic image of the city. On the basis of the novel “Vladivostok-3000,” all language units denoting food and drinks were singled out. The role of the corresponding images in the text is defined: products, dishes and drinks are a marker of the own and others; they act as a means of transformation of the hero; give him strength; symbolically fasten relations between characters; they are part of etiquette; become a bright marker of the fantastic space created by the authors. It is concluded that the images of food and drinks play an important role in the artistic transfer of the specificity of the city (real Vladivostok and fictional Vladivostok-3000), being a necessary element of the Vladivostok text.

Key words: Vladivostok text; mythopoetic image; local text; food and drinks images; V. Avchenko; I. Lagutenko; Vladivostok-3000.

Material resources

Eda. (1999). In: *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2. (In Russ.).

Lagutenko, I., Avchenko, V. (2012). *Vladivostok-3000 : kinopovest' o Tikhookeanskoj respublike*. Moskva: Astrel; Sankt-Peterburg: Terra Fantastica. (In Russ.).

References

Abashev, V. V. (2008). *Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kulture i literature XX v.* Perm': Zvezda. (In Russ.).

Agapkina, T. A. (2002). *Mifopoiticheskiye osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya: vesenne-letnij tsikl*. Moskva: Indrik. (In Russ.).

Avchenko, V. (2013). *7 mifov o Vladivostoke*. Available at: <http://2013.vladivostok3000.ru/city/5375-vasilij-avchenko-7-mifov-o-vladivostoke>. (In Russ.).

- Bayanbayeva, Zh. A. (2016). Lokalnyy tekst i ego funktsii (na primere alma-atinskogo lokalnogo teksta). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika*, 2: 77—84. (In Russ.).
- Bayburin, A. K. (1993). *Ritual v traditsionnoy kulture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Kiseleva, M. S. (2015). K probleme vzaimodeystviya evropeyskoy i aziatskoy kartin mira (obraz Vladivostoka v sovremennom folklore). In: *Lingvostranovedcheskiye, sotsiokulturnye i lingvisticheskiye aspekty v izuchenii i prepodavanii inostrannogo yazyka i literatury: sbornik nauchnykh trudov po materialam Pervoy sovmestnoy mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii Tamkanskogo universiteta i Dalnevostochnogo federalnogo universiteta, 4—7 dekabrya 2014 g. Tayvan'*: TKU. (In Russ.).
- Knabe, G. S. (ed.). (1998). *Moskva i «moskovskiy tekst» russkoy kultury*. Moskva: RGGU. (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2011). Organicheskiye oshchushcheniya, fiziologicheskiye potrebnosti personazhey i primykayushchie motivy. In: *Fiziologiya i psikhologiya personazhey russkikh narodnykh volshebnykh skazok: monografiya. Vladivostok: Dalnauka*. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1984). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. In: *Semiotika goroda i gorodskoy kultury: Peterburg*. Tartu: Tartuskiy universitet. (In Russ.).
- Lurye, M. L. *Elementy lokalnogo teksta: metodika kontekstnogo analiza*. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm. (In Russ.).
- Maltseva, O. N. (2014). Kontsept Vladivostok v khudozhestvennom diskurse: «vladivostokskiy tekst». *Vestnik Aziatsko-Tikhookeanskoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury*, 4: 104—107. (In Russ.).
- Mednis, N. E. (2003). *Sverkhteksty v russkoy literature*. Novosibirsk: NGPU. Available at: http://thelib.ru/books/n_e_mednis/poetika_i_semiotika_russkoy_literatury-read.html. (In Russ.).
- Milyanchuk, N. S. (2014). K voprosu o «geograficheskoy» tipologii tekstov: sushchestvuyet li «dalnevostochnyy» tekst? In: *Na perekrestkakh filologicheskikh dorog: sbornik statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoy*. Vladivostok: Dalnevostochnyy federalnyy universitet. (In Russ.).
- Nazarova, O. (2009). *Puteshestvie na kray tarelki*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Pokhlebin, V. V. (2009). *Iz istorii russkoy kulinarnoy kultury*. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Mif, ritual, simvol, obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoye*. Moskva: Progress; Kultura. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (1982). *Zimnyaya kalendarnaya poyeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan: genезis i tipologiya kolyadovaniya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).